

СВЕТЛАНА НЕРЕТИНА*

МИФ О ГОГОЛЕ**

РЕЦЕНЗИЯ НА ДЕБЮТНУЮ КНИГУ А. КУЛИКОВА

Куликов А. К. *МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ.* — СПб. : Алетейя, 2020.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-256-262.

Книга привлекает и обязывает к чтению — и Гоголя, и о Гоголе. Речь идет не просто о мифологических мотивах, как сказано в заглавии книги. Здесь Гоголь представляется таким Гомером-мифотворцем, жертвенностью и смирением вооружившимся против зла (Куликов, 2020: 6). О том, что Гоголь — мифотворец, говорится много и часто: миф понимается как «особый реальный мир» (там же: 9). Эта мысль развивается последовательно и настойчиво, от первой главы до последней. Глава 1 называется «Тавтологическое толкование творчества Гоголя». «Тавтологическое» — термин Ф. Шеллинга, означающий толкование, принимающее мифологические фигуры в качестве автономных порождений духа, которые должны быть поняты из самих себя, поняты, исходя из специфического принципа порождения смысла и образа. Это один из первых подходов к гоголевскому мифотворчеству, основание треугольника, на которое опираются две другие его стороны, венчающиеся точкой схода двух других его сторон. Куликов ведет мысль от широкого основания к этой точности, к началу мифообразующегося мира — к досократической Греции. Основания для видения творчества Гоголя с точки зрения мифа Куликов обнаруживает в том, что оба производят «впечатление невероятного вымысла, смутных и нелепых фантазий» (там же: 11). Возможно, это слишком сильное утверждение. На меня лично ни действия Поприщина, ни Хлестакова, ни Тараса Бульбы такого впечатления не производили. Скорее всего, за этим заявлением о сродстве мифологии и гоголевского творчества стоит сильное, напористое желание показать

*Неретина Светлана Сергеевна, д. филос. н., главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва), abae1ardus@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2063-062X.

**© Неретина, С. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

именно мифологическую сосредоточенность Гоголя. Следуя этому желанию, автор призывает к беседе вокруг этой темы известнейших авторов работ о Гоголе: от К. С. Аксакова и В. В. Розанова до Абрама Терца (А. Синявского), от Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова до А. Ф. Лосева и В. Я. Проппа; его широкая эрудиция позволяет ему сделать этот круг впечатляюще широким, ограниченным, кажется, только объемом книги. Это создает чрезвычайно насыщенную интеллектуальную атмосферу в книге, напор, который даже утомляет, хотя поначалу мне казалось, что можно прочесть книгу в один присест. К тому же он рождает впечатление некоторой зависимости главной мысли автора от мнений философов, которым он симпатизирует. Утверждение, что Гоголь — митолог, идет не столько от анализа гоголевских текстов, сколько из методологической установки автора.

Мы часто мыслим по схеме «от... к...», от мифа к логосу, и не всегда замечаем обоюдность этого движения. Об этом писал А. В. Ахутин в книге «Поворотные времена».

Но и в том, что маячит на горизонте логически разборчивого и сосредоточенного в себе ума, мы вновь различим черты мифа. Внутренняя полемичность (а то и буквальная распря) эллинского логоса классической эпохи — это полемика логоса с самим собой: полемика логоса, стремящегося к завершенности мифа, с логосом же, мифу противоборствующим. Причем в противоречии с просветительской схемой... развитие античной культуры завершается именно великолепным возвращением к мифу (к мифо-логосу) (Ахутин, 2005: 19).

Можно не соглашаться с такой позицией, но ее не следует игнорировать.

Мое сомнение в точности постановки авторской задачи вызвано именно размахом его мысли. По его словам, любой пишущий о Гоголе, занимаясь анализом его произведений, занимается и самоанализом, т. е. создает некую реальность, о которой, добавлю я, разом вещают и правда, и вымысел. Я сказала «вещают», потому что термин «реальность» от латинского «res» — вещь, дело, деятельная вещь, говорящая сама о себе. Нет иной реальности, кроме той, что говорит истину и (или) ложь, басню, миф. Ведь миф — это прежде всего сказание. Гоголь, кажется, знал, что его назовут реалистом, соответствующим критериям правдивого воспроизведения действительности в ее типических чертах (это Вакула-то на черте!), но он знал (вполне возможно, не зная латинского «res», — говорят, что он не знал древних языков) и другой «как

бы не существующий» реализм, но, как считалось, существующий «до» конкретно-воплощенной вещи, где все возможно — все

обманчиво и фиктивно, и в то же время все, до мельчайших деталей и пустяков, существенно, живо и реально ощутимо в конкретных, чувственных своих чертах. Мир истины здесь не противостоит миру «мнения», реален лишь один мир, за которым уже ничего нет, он реален в своем неправдоподобии (Куликов, 2020: 20).

Автор не ставит своей задачей открыть нам исторического Гоголя (там же: 279–280):

Совершенно ясно, что книга эта *не является историческим исследованием ни Гоголя, ни мифа*. Она не ставит перед собой задач открыть, кем Гоголь на самом деле был и к чему на самом деле стремился. Вполне возможно, что сам Гоголь, мысливший себя христианским писателем, отверг бы наши выводы о фундаментальном значении мифологических мотивов для его творчества — мотивов, которые справедливо мог бы расценить как *языческие, а не христианские*. Наша интерпретация его творений сама является своего рода мифом о Гоголе как мифотворце, и дело для нее не в том, о чем Гоголь мыслил когда-то, а в том, о чем имеем право мыслить сегодня мы, когда читаем Гоголя.

Конечно, имеем. Но я вспоминаю спор между Л. А. Аннинским и Ю. В. Трифоновым. Аннинский утверждал, что в произведении — множество хвостов ассоциаций, и стал говорить о них. Трифонов возмутился: он-де пишет не для возбуждения ассоциативных рядов читателя, не только для них, но хочет преподнести собственный смысл, с которым надо считаться. Автор предвидит это возражение и, можно сказать, отвечает на него.

Но миф о Гоголе — вовсе не насилие над Гоголем: если мы порой и приписываем классику нечто такое, чего он сам фактически *не говорил*, то во всяком случае нигде не заставляем его сказать то, чего он сказать *не мог*. Мифологична и глава о детскости: в ней высказано немало соображений, которые с научных позиций оспорили бы психология и педагогика и *по-своему* были бы правы, если, конечно, *принять эти позиции* и поставить науку судьей над мифотворчеством (там же: 280).

Ну, во-первых, почему бы и не стать судьей мифотворчества, не раскритиковать его в пух и прах, принудить к исчезновению или исследовать его основания: любой ученый, размышляющий над его принципами, это и делает, иначе нет смысла в исследовании. Можно привести даже примеры, когда мифы специально создавались. Известно, например,

что Толкин хотел создать «мифологию для Англии», полагая, что в ней она не сложилась так, как сложилась в Исландии или Скандинавии. Действительно, становление мифа—это становление сознания (Куликов, 2020: 26), это, как пишет автор, «события, происходящие не столько даже в сознании, сколько с сознанием». «Это подлинная реальность, не знающая и не нуждающаяся в трансцендентности» (там же: 38). Даже в молитве автору чувствуется «что-то неестественное». Про одну из них, сочиненную Гоголем, он пишет: «...в этих словах: не молитва звучит в них, а повелительное заклинание» (там же: 43). Это вот о чем:

Верю бо, яко Ты един в силах поднять меня; верю, яко и сие самое дело рук моих, над ним же работаю ныне, не от моего произволения, но от святой воли Твоей. Ты поселил во мне и первую мысль о нем; Ты и возрастил ее, возрадивши и меня самого для нее; Ты же дал силы привести к концу Тобой внушенное дело, строя все спасенье мое: насылая скорби на умягченья сердца моего, воздвигая гоненья на частые прибеганья к Тебе и на получение сильнейшей любви к Тебе, ею же да воспаляет и возгорится отныне вся душа моя, славя ежеминутно святое имя Твое, прославляемое всегда ныне, и присно, и во веки веков.

Идет ссылка даже на Синявского, который иронизирует над тем, что Гоголь испрашивает любви.

Не будет! Не дадут! Быть может, потому не дадут, что о любви не просят ради того, чтобы ею вдохновляться и быть в силах изобразить, — ишь нашелся охотник, любви ему захотелось — для книги... Только чтобы дописать «Мертвые души», разыскать засыпанную кощеем бессмертным душу Собакевича (кто засыпал? — ты и засыпал!) (Терц [Синявский], 1975: 493).

Куликов резюмирует: «*Однозначно* есть во всем этом что-то от демонической бездарности и демонического одиночества» (Куликов, 2020: 44). Почему же так однозначно? Потому, что просьба любви не для себя, а для детища своего не нравится? Кто сказал, что не просят? Нет никакого запрета просьбам! Гоголь так думал, так высказывался, это не требует таких определений, тем паче что молитва всегда произносится в одиночестве — это же *моя* молитва. Его ужас не сродни «ничтожающему» ничто Мартина Хайдеггера, ибо он осязателен. А «„Не гляди!“ — сказанное философу Хоме Бруту потаенным, внутренним шепотом», в позднем Гоголе, может быть, и «отозвалось: „не пиши!“» (там же: 46), но скорее это предостережение Бруту как философу (напомню, что и тот самый Брут, друг и убийца Цезаря, проявлял интерес к философии, впрочем, как и сам Цезарь). Как философ, Хома Брут обязан был

глядеть во все глаза и сгнуть, что и случилось. Синявский считает, что слова Вия «поднимите мне веки» произносит искусство, которое «хочет и умеет смотреть», но почему бы и не посчитать, что так очутился от сна разум, который во сне производил чудовищ, что это приходил в сознание тот самый миф, о котором пишет автор. После такого действительно можно сказать, что «смех квинтэссенция этой философии». Неведомо, принадлежит ли ее сущность вечной жизни или нет, это бабушка надвое сказала, но Вий-то принадлежит к мифической жизни, и именно он хочет раскрыть глаза...

В книге интересно все: интересен ход мысли автора, который через логику мифа представляет не только написанное Гоголем, но и саму жизнь Гоголя, который в творчестве своем «отменяет убийство — *действительно* отменяет, если мы научаемся видеть его мифическую действительность» (Куликов, 2020: 61). Возникает вопрос: а что, он не мог его отменить *просто* — в своей вот этой сегодняшней мысли, с мифом не соотносимой? В фантазии? Обязательно ли смотреть только через призму мифа? Это касается всего дальнейшего. Заданная мифологическая схема иногда, как мне кажется, начинает работать сама по себе. Гераклитовы идеи уже читаются безотносительно к Гоголю, он к ним прищипливается.

Вот что пишет, например, другой философ, использовавший чужой опыт как свой и пытавшийся опознать дело Гоголя среди современных, в том числе технических, средств.

В отдаленном сравнении острота, какую в наше время вносит скрытая камера... была прерогативой ревизора. За три с половиной года до кюстиновского лета в России Гоголь написал с увлечением, за два месяца, комедию с таким названием. Приезжего принимают за ревизора — это был *расхожий анекдот* того времени. Подобное случалось с Пушкиным и с *самим Гоголем*. Появляется человек, который на самом деле не простой, а скрытый наблюдатель, — эта ситуация грозила, конечно, тем, что обнаружится, что тот, кого наблюдают, должен был вести себя иначе, не имел права вести себя так, как вел, позволил себе недозволенное. В каком смысле мы боимся ревизора? (Бибихин, 2005: 72–73)

Сказанное здесь отменяет мое и только мое видение. Хотя и мое видение представлено через такой жанр, как анекдот. Но он прокладывает мост между *реальностью Гоголя* и *своей реальностью* — конца XX в., когда люди в анекдоте выражали к ней свое отношение. Однако и со *всеобщей реальностью*.

Ревизией русского человечества была вышеупомянутая пьеса Гоголя. Ее эпиграфом была поставлена поговорка «на зеркало неча пенять, коли рожа крива»; зеркало как бы подносилось к каждому, чтобы он стал своим собственным ревизором. Пьеса заставляла взглянуть во все глаза (вот оно — «поднимите мне веки». — *С. Н.*), т. е. увидеть себя всего, через союз *и* связано с *испугаться* и т. д. (Куликов, 2020: 73).

Мне не хотелось бы давать автору очень емкой, очень интеллектуально насыщенной, красивой, яркой — философской — книги никаких пожеланий, кроме пожелания показать и собственное время, светящееся и выделяющееся среди других времен.

ЛИТЕРАТУРА

Ахутин А. В. Поворотные времена. — СПб. : Наука, 2005.

Бибихин В. В. Введение в философию права. — М. : ИФ РАН, 2005.

Куликов А. К. Мифологические мотивы в творчестве Н. В. Гоголя. Философский анализ. — СПб. : Алетейя, 2020.

Терц А. [*Снявский А.*] В тени Гоголя. — London : Overseas Publications Interchange, 1975.

Neretina, S. S. 2021. "Mif o Gogole [The Myth of Gogol]: retsenziya na debyutnuyu knigu A. Kulikova [Review of the Debut Book by A. Kulikov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 256–262.

SVETLANA NERETINA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY; PRINCIPAL RESEARCH FELLOW
INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0002-2063-062X

THE MYTH OF GOGOL

REVIEW OF THE DEBUT BOOK BY A. KULIKOV

KULIKOV, A. K. 2020. *MIFOLOGICHESKIYE MOTIVY V TVORCHESTVE N. V. GOGOLYA. FILOSOFSKIY ANALIZ [MYTHOLOGICAL MOTIFS IN THE WORKS OF N. V. GOGOL. PHILOSOPHICAL ANALYSIS]* [IN RUSSIAN]. SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: ALETHEYA

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-256-262.

REFERENCES

Akhutin, A. V. 2005. *Povorotnyye vremena [Turning Times]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- Bibikhin, V. V. 2005. *Vvedeniye v filosofiyu prava [Introduction to the Philosophy of Law]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IF RAN.
- Kulikov, A. K. 2020. *Mifologicheskiye motivy v tvorchestve N. V. Gogolya. Filosofskiy analiz [Mythological Motifs in the Works of N. V. Gogol. Philosophical Analysis]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Terts, A. [Sinyavskiy, A.] 1975. *V teni Gogolya [In the Shadow of Gogol]* [in Russian]. London: Overseas Publications Interchange.